

ПОРРОВАШЫ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 2 1927 № 36

В. А. Сѣровъ

V. Seroff

Н. И. МИШЕЕВЪ

ВАЛЕНТИНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СѢРОВЪ

(1865 — 1911)

I

Вотъ художникъ, о которомъ далеко еще не сказано послѣдняго слова, несмотря на прекрасную монографію (И. Грабарь) и рядъ многочисленныхъ статей о немъ (С. Маковскій, А. Бенуа, Н. Радловъ, С. Мамонтовъ и др.) Думается, что каждымъ новымъ поколѣніемъ русской жизни, отъ которой Сѣровъ неотдѣлимъ, онъ будетъ восприниматься по своему. Съ другой стороны, его надо видѣть въ какой-то перспективѣ и одновременно въ гушѣ окружающей, волнующей насъ жизни, удивительно чутко

и подчасъ болѣзненно имъ ощущаемой.

Онъ знаменитъ, главнымъ образомъ, своими портретами. Миръ русской аристократіи, высшей бюрократіи, плутократіи, литературы, искусства и, въ частности, театра запечатлѣнъ на полотнахъ Сѣровымъ, давшимъ цѣлую эпоху русской исторіи въ лицахъ и въ какихъ лицахъ!.. Цѣнныхъ для насъ и потомковъ нашихъ не только съ точки зрѣнія исторической важности, но и по гениальному, какъ художественному, такъ и психологическому ихъ выявленію.

„Что есть человекъ, яко помниши его, или сынъ человекъ, яко посѣщаеши его! Умалишь его малымъ чимъ отъ ангель, славою и честію вѣнчалъ еси его!“...

Такъ, полный трепетнаго пафоса, обращался псалмопѣвецъ Давидъ къ Богу, поражаясь тѣмъ взлетамъ и проваламъ, что раскрылись его глазамъ, когда онъ, изумленный, приникъ къ краю бездны души человека.

Когда рассматриваешь безконечную вереницу образовъ, „воспроизведенныхъ“ гениемъ Сѣрова, когда „безмолвной“ чредой проносятся передъ тобой всѣ эти лица, нарисованные нашимъ художникомъ, то невольно слова псалмопѣвца приходятъ на память. Нужно было прежде всего „поразиться“ тому, что живетъ въ душѣ каждого человека, скрываясь за маской повседневнаго лица... Надо было испугаться и восхититься, чтобы затѣмъ увидѣнное, нисколько не стѣсняясь, воспроизвести, безразлично — заслуживаетъ-ли оно похвалы, или же крайняго порицанія, насмѣшки.

И. Грабарь, близкій другъ Сѣрова, пишетъ въ своей монографіи: „Проницательный и строгій къ людямъ, Сѣровъ во время своихъ наблюденій всегда ставилъ мысленно отмѣтки: одному тройку, другому двойку, рѣдко кому четыре съ минусомъ, и очень часто единицы. „Я вѣдь злой“, — говорилъ онъ про себя. Если

подмѣтить, бывало, яркую отрицательную черточку, — или чванство, или глупость, или геніальничанье, или просто смѣшную манеру стоять, сидѣть, держать голову, вытягивать шею — онъ непременно внесетъ ее въ свою характеристику. Пуще всего онъ не выносилъ пошлости, которую чуялъ на большомъ разстояніи, никому ея не прощая. Но стоило ему кого-нибудь полюбить, — а любилъ онъ не разсуждая, безъ оглядки, — онъ уже не только ничего не подчеркивалъ, но, напротивъ, выискивалъ одно лишь лестное и пріятное. Такихъ „пять съ крестомъ за поведеніе“ въ его портретахъ немного, но они есть. Недаромъ такъ боялись заказывать ему портретъ: „писать у Сѣрова опасно“, — говорили.“

Конечно, В. С. Мамонтовой Сѣровъ поставилъ „за поведеніе пять съ крестомъ“, въ противномъ случаѣ русская живопись не имѣла бы этого геніальнаго произведенія — „портрета-картины“, гдѣ нашла себѣ отраженіе цѣлая полоса русской культуры. Очень прочувствованно передалъ свое впечатлѣніе отъ этого произведенія И. Грабарь, попутно знакомя насъ и со взглядомъ на свою вещь самого Сѣрова.

„Прошло уже четверть вѣка (а нынѣ и больше съ 1887 г.), какъ написанъ портретъ, настали другія времена, и того, что было, не вернуть. Нѣтъ больше на свѣтѣ и этой дѣ-

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

Илл. къ Лермонтову
Illustration to Lermontoff's

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

Мика Морозовъ
Mika Morosoff

вушки-подростка, съ такимъ чудеснымъ, невыразимо русскимъ лицомъ, что, если бы и не было внизу Сѣровской подписи, все же ни минуты нельзя было сомнѣваться въ томъ, что дѣло происходитъ въ Россіи, въ старомъ помѣщичьемъ домѣ. Можно, навѣрное, сказать, что эта старая мебель не покупалась у антиквара, да врядъ-ли ее и цѣнили тогда: можетъ быть, и подумывали временами о замѣнѣ „неуклюжей и неудобной рухляди“ свѣжей и „изящной гарнитурой“, да все какъ-то некогда было возиться — пусть себѣ стоитъ! За деревенскимъ окномъ не видишь, не чувствуешь аллеи парка, песчаняя дорожки и все то неизъяснимое очарованіе, которымъ насквозь проникнута каждая бездѣлица старой русской усадьбы...

Во всей русской литературѣ я не знаю ничего, что на меня дѣйствовало бы такъ сильно, какъ нѣсколько строкъ изъ отповѣди Татьяны Онѣгину:

...Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ и шумъ, и чадъ,
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей...

Не знаю почему, — да и не хочу этого знать, — но каждый разъ, когда я дохожу до этой „полки книгъ“, у меня гдѣ-то далеко внутри что-то срывается и приходится дѣлать надъ собой усиліе, чтобы не потерять равновѣсія и не разрыдаться...

Въ русской живописи я знаю только одну вещь, напоминающую мнѣ несравненные стихи Пушкина — Сѣровскій портретъ В. С. Мамонтовой. Здѣсь не видно „полки книгъ“, но я увѣренъ, что она есть, непременно есть, — либо тутъ же, либо въ сосѣдней комнатѣ, — какъ, навѣрное, знаю, что гдѣ-то въ концѣ сада есть „крестъ“, и тихо шевелится „тѣнь вѣтвей“ надъ чьей-то дорогой могилой.

„Я считаю, — говорилъ мнѣ Сѣровъ, — что только два сносныхъ портрета и написалъ, — этотъ да еще „подъ деревомъ“... Все, чего я добивался, это свѣжести, той особенной свѣжести, которую всегда чувствуешь въ натурѣ и не видишь въ картинахъ. Писаль больше мѣсяца и измучилъ ее, бѣдную, до смерти, ужъ очень хотѣлось сохранить свѣжесть живописи при полной законченности, — вотъ какъ у старыхъ мастеровъ. Думаль о Рѣпинѣ, о Чистяковѣ, о старинкахъ, — поѣздка въ Италию очень тогда сказалась, — но больше всего думаль объ этой свѣжести“...

По его словамъ, онъ работаль „запоемъ“, точно въ угарѣ, и чувствовалъ, что работа

спорится и все идет так хорошо, как никогда раньше. Было... восторженное настроение и было самое великое счастье, какое только может выпасть на долю художника, — сознание удачи в творчестве, ощущение бодрости, силы, хороших глаз и послушных рук”...

II

С исключительным восторгом портрет В. С. Мамонтовой, (иначе — „Двушка с персиками“) был принят современной критикой и публикой, сразу признавшей в Сьрове великого мастера и все творчество Сьрова, его художественную личность связавшей с этой именно картиной и подобными ей.

И вдруг за год до смерти является нашумевший на всю Европу портрет Иды Рубинштейн, „порадивший всѣх, — как пишет И. Грабарь, — своею неожиданностью“. Об этом произведении и его зарождении читаем у того же Грабаря следующее:

„Иду Рубинштейн Сьров видѣлъ в Парижѣ в роли Клеопатры, в которой она танцует почти раздѣтой, и нашелъ в ней столько стихійнаго, подлиннаго востока, сколько раньше не приходилось наблюдать никогда ни у кого. Онъ былъ до того увлеченъ и захваченъ впечатлѣніемъ, что рѣшилъ во что бы то ни стало ее писать. Сьровъ находилъ, что это не фальшивый, сладенькій, грошовый востокъ банальных оперъ и балетовъ, а самъ Египетъ и Ассирія, какимъ-то чудомъ воскресше в этой необычайной женщинѣ. „Монументальность есть в каждомъ ея движеніи, — просто ожившій архаическій барельеф!“ — говорилъ онъ съ совершенно необычайнымъ для него воодушевленіемъ. Она позировала ему обнаженной, какъ нѣкогда патриціанки Венеціи позировали Тиціану...

„Я встрѣтился съ нимъ, — продолжаетъ далѣе Грабарь, — вскорѣ послѣ того, какъ портретъ былъ написанъ, и онъ пріѣхалъ в Петербургъ. Не помню, чтобы я когда-либо видѣлъ Сьрова в столь бодромъ и жизнерадостномъ настроеніи, какъ в этотъ разъ; онъ много рассказывалъ о своей „Идѣ“... Онъ былъ просто неузнаваемъ... Сознание удачи приятно кружило голову.

„Когда „Ида Рубинштейн“ была приобрѣтена для музея Александра III, это вызвало ропотъ в нѣкоторыхъ художественныхъ кругахъ, и раздались голоса, требовавшіе удаленія картины изъ національнаго музея. В колоритномъ письмѣ, посланномъ по этому поводу Сьровымъ М. С. Цетлинъ, онъ писалъ: „Остроуховъ мнѣ, между прочимъ, говорилъ о вашемъ намѣреніи приютить у себя бѣдную Иду мою Рубинштейнъ, если ее, бѣдную, голую выгнать изъ музея Александра III на улицу... Надо полагать, ее подъ ручку сведетъ самъ директоръ музея графъ Д. И. Толстой, который рѣшилъ на случай скандала уйти. Вотъ какіе бываютъ скандалы, т. е. могутъ быть. Я радъ, ибо в душѣ скандалистъ, — да и на дѣлѣ, в прочемъ (нашъ курсивъ)“...

Это письмо было написано за три недѣли до кончины Сьрова.

Любопытно также и слѣдующее замѣчаніе Сьрова о „Двушкѣ, освѣщенной солнцемъ“, идентичной во многомъ „Двушкѣ с персиками“, т. е. портрету В. С. Мамонтовой. — „И самому лишь чудно, что это я сдѣлалъ, — до того на меня не похоже (курсивъ нашъ). Тогда я вродѣ какъ съ ума спятилъ. Надо это временами: нѣтъ-нѣтъ, да малость и спятишь. А то ничего не выйдетъ“... (у Грабаря).

Итакъ, два произведенія начала и конца художественной дѣятельности, столь чуждые по краскамъ, манерѣ письма и своему идеологическому содержанию, сотворены в моментъ высочайшаго духовнаго напряженія: „тогда я вродѣ какъ съ ума спятилъ“... („Двушка, освѣщенная солнцемъ“) „онъ былъ просто неузнаваемъ“ („Ида Рубинштейнъ“). Правда, что в первомъ случаѣ настроеніе соединялось съ страстнымъ томленіемъ по свѣжести природы, которую хотѣлось перенести на полотно. Во второмъ — это настроеніе выдавило в концѣ концовъ мысль: „я в душѣ скандалистъ, — да и на дѣлѣ, в прочемъ“.

Мнѣ думается, что, хотя бы в приближенномъ пониманіи формы и содержания сьровскаго творчества, надо исходить отъ этихъ двухъ вышеназванныхъ картинъ.

III

Отецъ художника — знаменитый музыкантъ и критикъ, А. Н. Сьровъ, авторъ „Юдифи“, „Рогнѣды“ и „Вражьей силы“. Мать, рожденная Бергманъ, В. С., была страстной музыкантшей. Кромѣ музыки, А. Н. Сьровъ очень увлекался живописью и одно время мечталъ даже сдѣлаться живописцемъ. В домѣ Сьровыхъ бывали всѣ звѣзды міра научнаго, литературнаго и художественнаго. Съ 1870 г. появился здѣсь Рѣпинъ. Устраивались литературныя чтенія. Художники рисовали. Мальчикъ часто посѣщалъ оперу. В 1871 г. А. Н. Сьровъ умеръ. Его жена поѣхала за границу доканчивать свое музыкальное образование. Сына отдала она в семью доктора Коганъ, большого друга Сьровыхъ. Семья эта жила в деревнѣ своеобразной „коммуной“, осуществляя завѣты романа Чернышевскаго „Что дѣлать“. Все было общее. Ходили всѣ в одинаковыхъ костюмахъ. Женщины носили мужское платье, стриглись по мужски. Купались вмѣстѣ, не стѣсняясь другъ друга. Просвѣщали крестьянъ. Маленькому Сьрову подарили краски, и онъ вѣчно что-нибудь рисовалъ.

Итакъ, художественная обстановка в домѣ отца и „коммунистическая“ у Коганъ были атмосферой, среди которой протекали дѣтскіе годы Сьрова.

В 1872 г. коммуна распадается. Мальчикъ ѣдетъ в Мюнхенъ къ матери, живетъ здѣсь два года, знакомится съ извѣстнымъ впоследствии знаменитымъ художникомъ Кёппингомъ, рисуетъ и рисуетъ безъ конца. Мать обра-

В. А. СЪРОВЪ
V. A. SEROFF

ПОРТРЕТЪ М. Я. ЛЬВОЙ
PORTRAIT OF M. LVOFF

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

Пушкинъ въ деревнѣ
Pushkin

щаетъ вниманіе на сына и въ 1874 г. отвозитъ его къ Рѣпину въ Парижъ. Къ сожалѣнію, В. С. Сѣрова изъ-за музыки почти не видитъ сына. Онъ, возвращаясь отъ Рѣпина съ уроковъ, вѣчно одинъ. Въ немъ развиваются скрытность, угрюмость, подозрительность. Постепенно онъ дичалъ и сталъ походить на волченка. Девятилѣтній мальчикъ оживаетъ только за рисованіемъ. Развлеченій, шумныхъ игръ среди дѣтскаго гомона и визга, катаній, прогулокъ за городъ — Сѣровъ не зналъ. Все это не могло не отразиться на душевномъ складѣ будущаго художника, всю жизнь свою остававшагося глубоко-замкнутымъ въ себѣ.

Лѣтомъ 1875 г. Сѣровъ съ матерью попадаетъ вдругъ прямо изъ Парижа въ русскую деревню, въ старый домъ съ полузапущеннымъ паркомъ. Онъ въ Абрамцевѣ у замѣчательнаго своимъ восторженнымъ отношеніемъ къ искусству Саввы Ивановича Мамонтова, человѣка чрезвычайно радушнаго, чуткаго цѣнителя всего истинно-художественнаго, „открывшаго“ В. Васнецова, К. Коровина, Врубеля, Головина, Римскаго-Корсакова и мн. другихъ.

Новыя, неизгладимыя впечатлѣнія ложатся на душу мальчика. Его окружаетъ вѣчно радостная атмосфера, полная истинной „русскости“. Мать рѣшаетъ серьезно бороться съ скрытнымъ и угрюмымъ характеромъ сына и достигаетъ въ этомъ отношеніи блестящихъ успѣховъ. Уличивъ его во лжи и не разъ, она употребляетъ невѣроятныя усилія, чтобы сынъ ея вышелъ правдивымъ и честнымъ. Самъ Сѣровъ впослѣдствіи считалъ себя обязаннымъ вліянію матери, которая безпрестанно побуж-

дала его и къ систематическимъ занятіямъ рисованіемъ.

Съ осени 1878 г. Сѣровъ въ Москвѣ, и съ этого времени мальчикъ начинаетъ, какъ слѣдуетъ, заниматься живописью и рисованіемъ у Рѣпина. Съ 1879 г. онъ уже живетъ у Рѣпина, который беретъ съ собой мальчика на всѣ этюды, на всѣ экскурсіи. Рѣпинъ уже не можетъ разстаться со своимъ ученикомъ. Вмѣстѣ они въ Абрамцевѣ, въ Крыму, на мѣстахъ древней Запорожской Сѣчи. Въ 1880 г. Рѣпинъ послалъ Сѣрова въ Академію, гдѣ еще жилъ и работалъ Рѣпинскій учитель Павелъ Петровичъ Чистяковъ. — „Изъ-за него одного стоитъ ѣхать въ Петербургъ“, — говорилъ Рѣпинъ.

И вотъ Сѣровъ у Чистякова, великаго учителя Рѣпина, Полѣнова, В. Васнецова, Суримова, Сѣрова, Врубеля и многихъ, многихъ другихъ. — „Онъ умѣлъ, — пишетъ Врубель, — зажечь любовь къ тайнамъ искусства самодовлѣющаго, искусства избранныхъ“. Это былъ и великій насмѣшникъ, сбивающій спесь у самыхъ заносчивыхъ, жестокой чудакомъ, убѣжденный, что „ученики — что котята, брошенные въ воду: кто потонетъ, а кто и выплыветъ. Выплывають немногіе, но ужъ если выплывутъ — живучи будутъ“. Съ отмѣченными печатью таланта онъ работалъ неумолимо систематически, говоря, что рисованіе такая же суровая и, главное, точная наука, какъ математика. Отъ Чистякова Сѣровъ узналъ, что дѣло не только въ одномъ изученіи природы, какъ утверждалъ Рѣпинъ, но, кромѣ природы, можно учиться и у геніевъ живописи, старыхъ

мастеровъ Возрожденія. Здѣсь, въ мастерской Чистякова, Сѣровъ сталъ однимъ изъ лучшихъ рисовальщиковъ Россіи.

Лѣто 1884 г. Сѣровъ проводитъ въ Абрамцевѣ, гдѣ тогда жилъ В. Васнецовъ, работавшій надъ „Каменнымъ вѣкомъ“. Сѣровъ былъ раздавленъ впечатлѣніемъ отъ картины, чуждой по характеру живописи и Рѣпину, и завѣтамъ Чистякова. Онъ понялъ тогда, что его живопись отстала отъ рисованія, а поэтому съ радостью поѣхалъ съ матерью въ Мюнхенъ, надѣясь въ этомъ художественномъ центрѣ разрѣшить свои сомнѣнія въ отвѣтъ на вопросъ, гдѣ же правда искусства?.. Здѣсь у него пришла пора увлеченія старыми мастерами. По возвращеніи изъ заграницы Сѣровъ уже не пошелъ въ академію. Тамъ ему нечего было дѣлать. Съ 1885 г. начинается его самостоятельный путь въ искусствѣ, отмѣченный „Волами“, „Зимой“, портретами Якунчиковой, Ванъ-Зандтъ и др. Въ 1887 году Сѣровъ въ Италиі, гдѣ онъ, по его собственнымъ словамъ, никогда, — ни прежде, ни послѣ — не испыталъ столько радости, не пережилъ такихъ восторговъ, какіе выпали на его долю во Флоренціи, Миланѣ и особенно въ Венеціи. Здѣсь была написана Венеція „Riva degli Schiavoni“. По возвращеніи онъ засѣлъ за свою картину „Дѣвушка съ персиками“. Въ лѣто 1888 г. Сѣровъ пишетъ чудесную „Дѣвушку подъ деревомъ“ или, какъ она зовется въ каталогѣ Третьяковской галереи, „Дѣвушку, освѣщенную солнцемъ“.

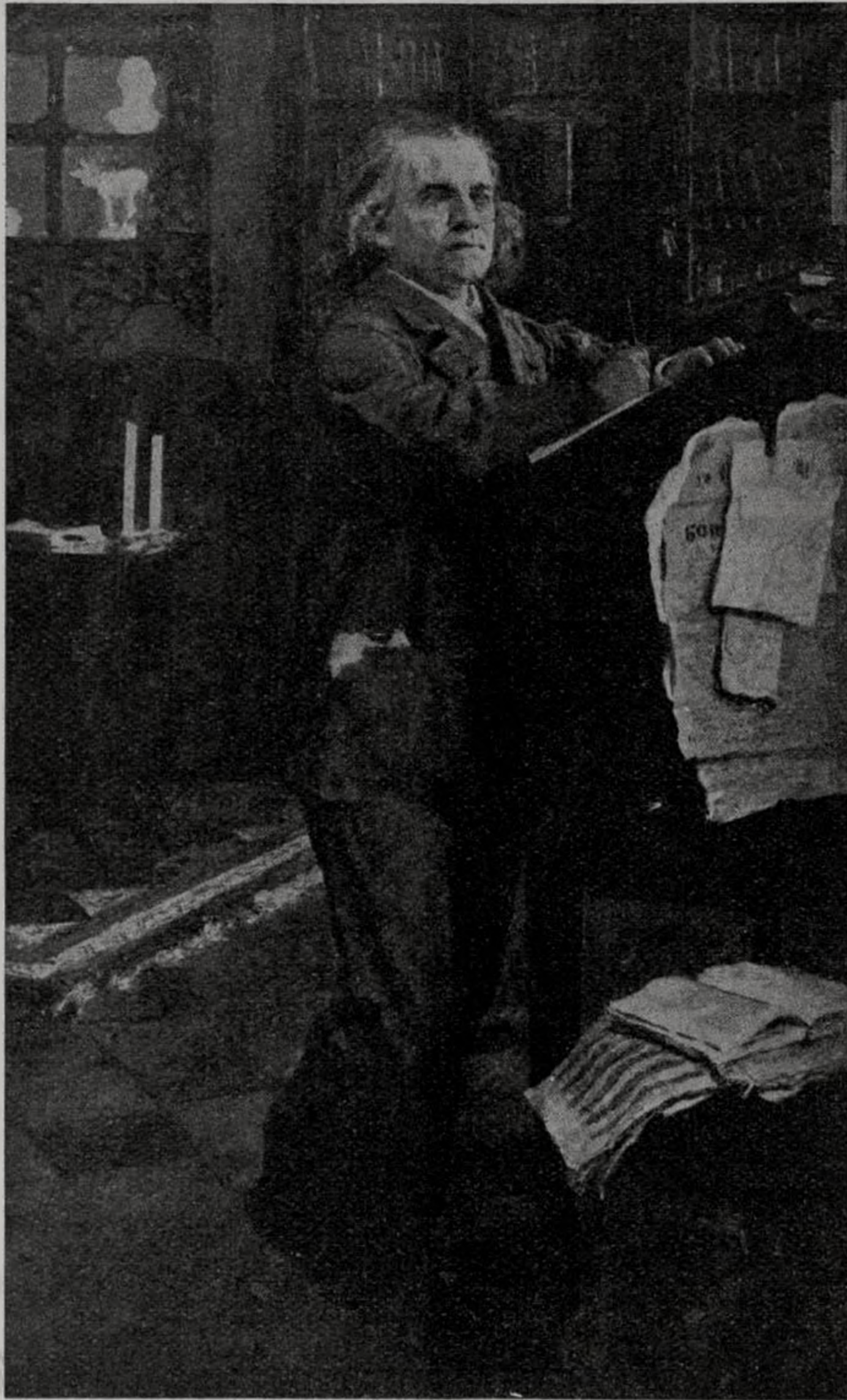
Въ 1889 г. Сѣровъ женится. Онъ уже извѣстный художникъ въ Москвѣ. Въ началѣ зимы 90-го года Сѣровъ встрѣчается у Мамонтова съ Врубелемъ и К. Коровинымъ. Его поражаетъ замысль Врубелевскаго „Демона“. Три художника очень сживаются, но особенно Коровинъ съ Сѣровымъ. Сѣровъ переживаетъ вліяніе Врубеля и болѣе чѣмъ внимательно всматривается въ живопись Коровина, тона ко-

торой нашли себѣ большой откликъ въ творчествѣ Сѣрова. „Безудержное живописное дарованіе Коровина, — говоритъ И. Грабарь, — захлеснуло Сѣрова своей заманчивой широтой и одурманивающей свободой, заставивъ забыть Чистяковскіе завѣты о чистомъ свѣтѣ, о ясно-

сти и чеканкѣ живописи. Отнынѣ у него все чаще появляются серебристо-сѣрыя, а то и просто сѣрыя, — уже безъ всякаго серебра краски, и все рѣже встрѣчается живопись по прежнему ясная, по старому звучная“.

Съ 1896 г. въ творчествѣ Сѣрова замѣчается опредѣленный уже переломъ. Онъ ищетъ теперь только самаго простаго, будничнаго. Нѣтъ солнца въ его вещахъ и много сѣрыхъ дней. Рисуется, правильнѣе пишется, слишкомъ обыкновенный портретъ Римскаго-Корсакова, интимный портретъ Николая II въ тужуркѣ за рабочимъ столомъ и цѣлый рядъ другихъ портретовъ, гдѣ прежде всего выступаетъ страстное исканіе характера, „раскрытія души“. Сюда относятся портреты Горькаго, М. А. Морозова, Шаляпина, гр. Ф. Ф. Сумарокова, Мики Морозова, Лосевой, Побѣдоносцева, Драгомировой и др. Характера ищетъ Сѣровъ и въ такихъ вещахъ какъ „Сѣрый день“, „Зимой“, „Тройка“.

Выставка старинныхъ русскихъ художниковъ, устроенная Дягилевымъ въ 1905 г. въ Таврическомъ дворцѣ, захватываетъ Сѣрова. Онъ пишетъ портретъ Е. А. Корзинкиной, навѣянный искусствомъ 18-го вѣка. Его начинаютъ тянуть къ стилю въ ущербъ характеру. Въ результатѣ „Ида Рубинштейнъ“. Но онъ не оставляетъ и строгаго реализма, тоскуетъ по утерянному цвѣту и свѣту. Другими словами, „нащупывая — по мнѣнію Грабаря — новый путь, Сѣровъ не рѣшался окончательно покинуть старый, ибо не былъ увѣренъ ни въ абсолютной вѣрности новаго, ни въ своей собственной рѣшимости и твердости. Только этимъ объясняется странное несходство и даже пря-

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

А. Н. Сѣровъ (композиторъ)
A. N. Seroff (composer)

мое противорѣчіе, замѣчаемое въ работахъ Сѣрова послѣднихъ лѣтъ. Передъ иными изъ нихъ приходилось съ недоумѣніемъ спрашивать себя, какъ могъ художникъ въ теченіе одного и того же мѣсяца, даже въ одинъ и тотъ же день, работать надъ двумя задачами, столь исключаящими одна другую“.

Пѣздка Сѣрова съ Бакстомъ въ Грецію въ 1907 г. вызвала въ душѣ его рой „классическихъ настроеній и томленій“, въ результатѣ чего явились неоконченныя „Похищеніе Европы“ и „Навзикая“. Увлечшись работой надъ ними, художникъ въ послѣдствіи ихъ забросилъ.

Захватилъ Сѣрова, правда, по случайному предложенію І. Кнебеля, заказавшаго картину для школы, и Петръ Великій въ эпоху постройки Петербурга. Появилась картина, которая многимъ показалась карикатурой на Петра, а не серьезнымъ произведеніемъ. Грабарь рассказываетъ о сѣровскомъ пониманіи Петра. „Этого человѣка, — говорилъ онъ, — всегда изображаютъ какимъ-то опернымъ героемъ и красавцемъ. А онъ былъ страшный: длинный, на слабыхъ, тоненькихъ ножкахъ и съ такой маленькой, по отношенію ко всему туловищу, головкой, что долженъ больше походить на какое-то чучело съ плохо приставленною головою, чѣмъ на живого человѣка. Въ лицѣ у него былъ постоянный тикъ, и онъ вѣчно „кроилъ рожи“, мигалъ, дергалъ ртомъ, водилъ носомъ и хлопалъ подбородкомъ. При этомъ шагаль огромными шагами, и всѣ его спутники принуждены были слѣдовать за нимъ бѣгомъ“...

Въ заключеніе біографіи Сѣрова нельзя не

отмѣтить его рисунковъ къ баснямъ Крылова. Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ любилъ рисовать животныхъ. Какъ много онъ далъ шедевровъ въ изображеніи захудалой крестьянской лошаденки! Какъ онъ любилъ зоологическій садъ! Еще въ 1885 г. въ письмѣ къ невѣстѣ изъ Мюнхена онъ пишетъ: „Въ Амстердамѣ мнѣ готовится одно и весьма для меня большое удовольствіе: тамъ прекраснѣйшій... Зоологическій садъ. Это меня, представь, радуетъ, какъ и чудныя картины въ галлерейхъ“ (нашъ курс.) Съ 1896 г. Сѣровъ все свободное время отъ заказовъ посвящаетъ жизни волковъ, медвѣдей, лисицъ и особенно воронъ, стремясь въ какой-либо чертѣ дать весь обликъ нужнаго звѣря. „Въ послѣдніе два года, — пишетъ Грабарь, — онъ особенно много возился съ баснями и выискивалъ черту... Лѣто 1912 г. онъ собирался всецѣло отдать баснямъ“...

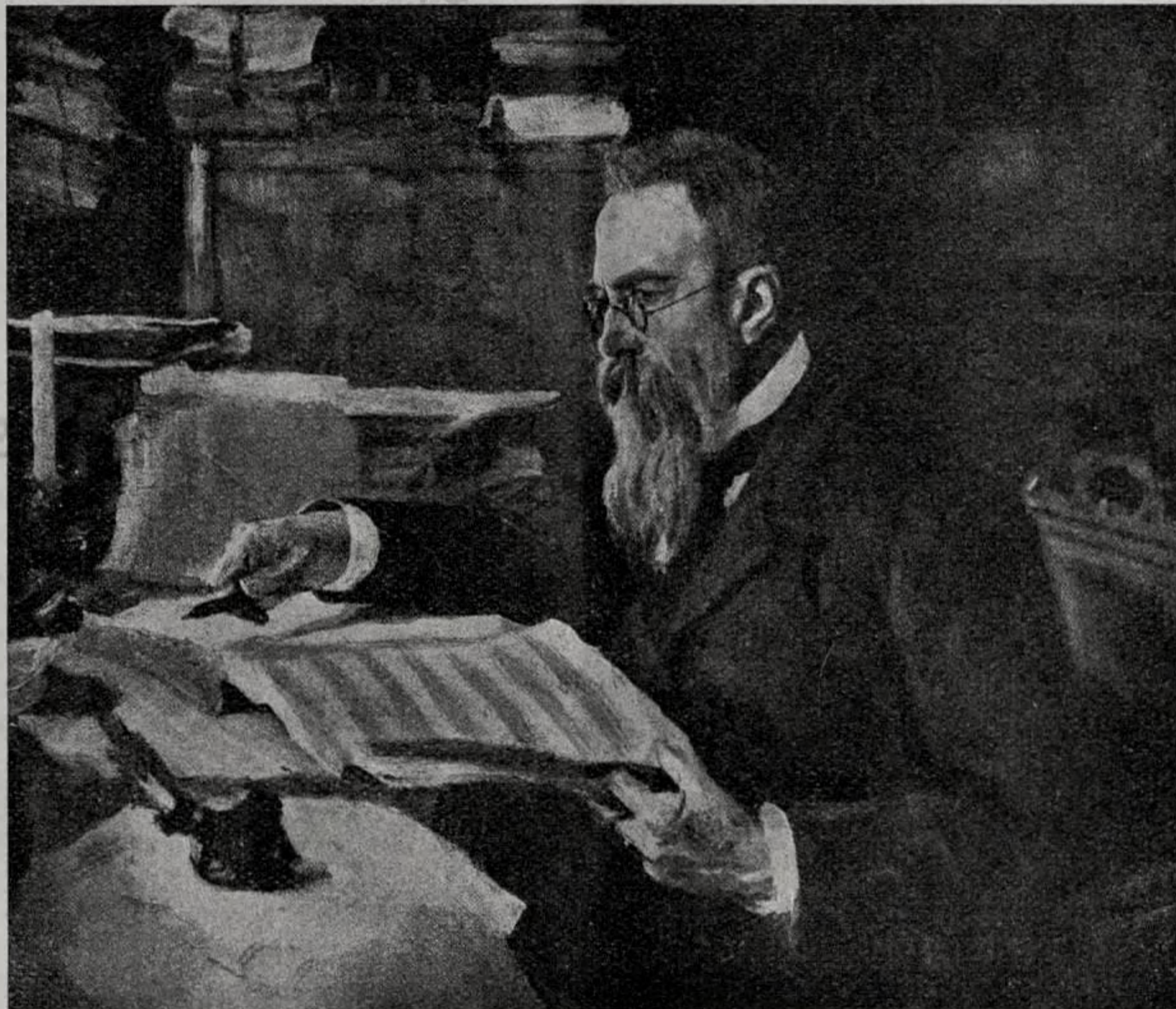
Осенью 1911 г. Сѣровъ скончался отъ разрыва сердца.

IV

„Гдѣ просто, тамъ ангеловъ со сто“, — любилъ часто говаривать Сѣровъ...

Богъ знаетъ, какія судьбы уготовляются русскому народу. Затуманилась сейчасъ Русь...

Но, если религія этой Руси, — наше православіе съ сельскимъ священникомъ, литература съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Толстымъ и Достоевскимъ, искусство съ его великими художниками во всѣхъ областяхъ, — дѣйствительно, вскрываетъ душу русскаго человѣка, то подлинный символъ вѣры ея, какъ взгляда на

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

Н. А. Римскій-Корсаковъ
N. A. Rimski-Korsakoff

жизнь — это: „гдѣ просто, тамъ ангеловъ со сто“.

Этимъ только обязаны русская литература и искусство своему побѣдному шествію во всемъ мірѣ. И въ этомъ только лежитъ источникъ великихъ трагедій, переживаемыхъ нашими художниками пера, кисти и звуковъ. Кто не знаетъ, что начинали они почти всегда съ прививки себѣ „европейскаго начала“, а кончали страстной борьбой съ нимъ, желаніемъ „поставить его на свое мѣсто“ и дать полную волю исконной стихіи русской души. Большею частью имъ это не удавалось, почему вся жизнь и проходила въ вѣчномъ бореніи и горѣніи. Гоголь, Достоевскій и Толстой наиболѣе яркіе тому примѣры въ литературѣ.

Въ живописи — Сѣровъ.

Какъ мы видѣли, вся художественная жизнь его была исканіе и метаніе. Рѣпинъ, Чистяковъ, Васнецовъ, Врубель, Коровинъ, старинные мастера, французскіе импрессионисты — вотъ у кого онъ учился, подъ чьимъ вліяніемъ находился, кого, используя, оставлялъ, бросаясь въ объятія природы, прошлаго Россіи, въ міръ древней Греціи, оставаясь только холоднымъ къ образамъ религіи и вѣры, которыхъ почти не касался. Жаль, что душѣ его остался чуждымъ мотивъ молитвы, открывшей такія полныя мира переживанія Пушкину. Жаль, что въ своемъ томленіи по простотѣ, чѣмъ такъ характеризуются послѣдніе годы Сѣрова, онъ не зашелъ на поклонъ въ бѣдную сельскую церковь и не взялъ благословенія у бѣднаго, наивнаго, пугливаго деревенскаго священника... Нельзя Сѣрова разсматривать только, какъ художника. Тогда ничего въ немъ не поймешь. Его надо взять и какъ человѣка, тогда многое станетъ яснымъ въ сѣровскомъ творчествѣ. Слишкомъ внимательно разсматривали Сѣрова съ точки зрѣнія искусства, какъ такового, и

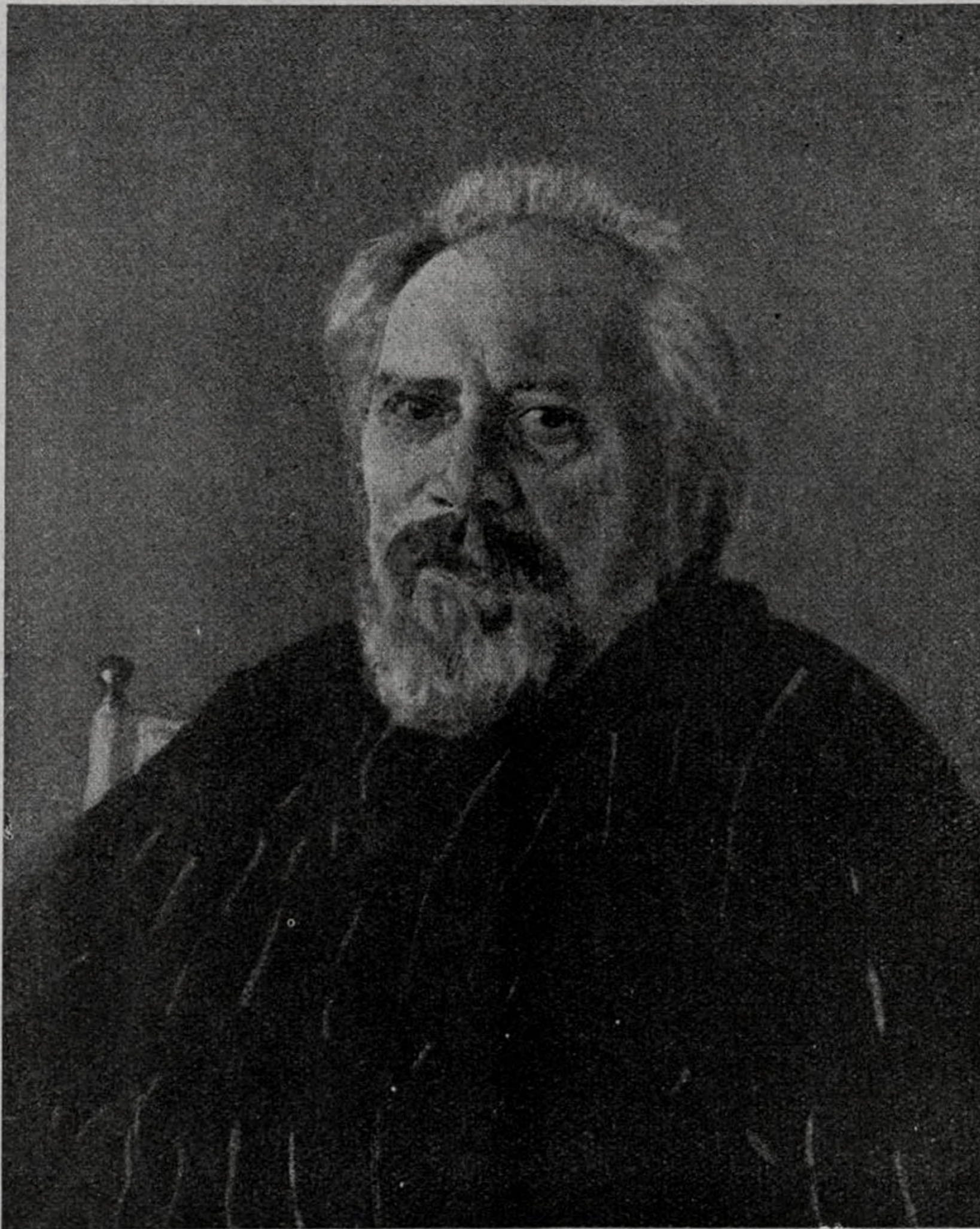
трагедію личности его видѣли, главнымъ образомъ, въ трагедіи художника, не могущаго себя найти. По моему мнѣнію, Сѣровъ искалъ прежде всего разрѣшенія своей душевной трагедіи, трагедіи, какъ человѣка, чего Грабарь, его біографъ, почти не замѣтилъ. Творчество Сѣрова во всѣхъ своихъ „зигзагахъ“ отражаетъ только то,

что дѣлалось въ душѣ самого художника. Всѣ „формальныя“ исканія, мученія, откровенія Сѣрова не были само довлѣющей цѣлью, какъ говорятъ всѣ, кто писалъ о немъ, но шли отъ безконечно-глубокаго, иногда несознаваемого (въ первые годы) стимула въ душѣ — сказать красками какое-то великое „слово“... У Достоевскаго и Толстого, а еще больше у Гоголя, это „слово“ было на концѣ пера... Скрябинъ пытался сказать его въ звукахъ... Сѣровъ — нарисовать.

Нѣтъ ничего выше жизни. Самое высокое въ жизни — это ея простота. Всѣ наши трагедіи только и объясняются тѣмъ, что мы слишкомъ „усложнили“

жизнь, провели въ ней тьму „переплетающихся между собой линій — чертъ“, окутали ее, какъ паутиной, своими измышленіями, поручивъ затѣмъ искусству воспроизводить эту жизнь. Оно и воспроизводитъ и... прежде всего „паутину“, „сѣтку“, наброшенную на жизнь, а не ее, какъ таковую. Поэтому, долой всѣ „сѣтки“, не надо всѣхъ этихъ безконечныхъ линій!.. Для того, чтобы воспроизвести ее подлинной, надо найти нѣкую черту, одну только черту!..

Кому же не ясно изъ біографіи Сѣрова, что онъ искалъ именно эту „черту“, отказываясь отъ красоты, звучныхъ красокъ, сложности письма. Сравните „Дѣвушку съ персиками“ съ „Сѣрымъ днемъ“, „Тройкой“, „Пушкинымъ на лошади“, „Бабой съ лошадыю“. Сѣровъ считаетъ теперь (въ 90-хъ годахъ), что его „Дѣвушки“ слишкомъ роскошныя, пышныя и сложныя по

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

Н. С. Лѣсковъ
N. Leskoff

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

Въ деревнѣ
Peasant

краскамъ. — „Надо, чтобы мужикъ понималъ,— говорилъ Сѣровъ,— а не баринъ, а мы всѣ для баръ пишемъ и ужасно падки на всякую затѣйливость и пышность. Вотъ они — нѣмцы, французы, — пускай будутъ пышны, имъ это къ лицу, а ужъ какая тамъ пышность на Руси. У насъ одинъ Константинъ Маковскій пышенъ, и то только потому, что фальшивъ“.

Итакъ, какъ можно проще рисовать и писать. Отсюда пятнадцатилѣтняя работа надъ баснями, т. е. надъ простыми животными и мучительное исканіе одной чертой нарисовать это простое животное. Естественно, что въ конечномъ результатѣ грезилось и человѣка „отмахнуть“ одной „чертой“, т. е. подчеркнуть въ человѣкѣ только самое стильное, стилизо-

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

Дорога въ Домотканово
The Road to Domotkanovo

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

Лошадь
A Horse

вавъ его... на манеръ египетскихъ изображеній. Попала на глаза Ида Рубинштейнъ въ роли Клеопатры, и „томленіе“ Сѣрова вдругъ нашло выходъ.

Другими словами, Ида — Клеопатра отвѣтила страстной жаждѣ Сѣрова найти „объектъ человѣческой“, на которомъ можно было бы попробовать „черту“. Художникъ и попробовалъ.

Всмотритесь въ эти деревянно - простыя линіи „черты“ тѣла Иды Рубинштейнъ. Проще съ „художественными линіями“ уже нельзя и обращаться. Съ другой стороны, развѣ можно отрицать исключительную силу, мощь этихъ „чертъ“ въ портретѣ Иды Р.?

„Ида Рубинштейнъ“ не отрицаніе „Дѣвушки съ персиками“, а естественное и понятное продолженіе сѣровскаго творчества, подтверждаемое всѣмъ процессомъ душевнаго развитія русскаго великаго художника.

Все это въ литературѣ о Сѣровѣ почти не затронуто. Благодарная тема для будущаго труда о русскомъ гениі, всѣми корнями своей души вросшемъ въ русскую жизнь!..

Сѣровъ огромная тема русскаго искусства. Сергѣй Маковскій правильно замѣчаетъ, что „живопись Сѣрова — урокъ русской живописи“.

Своей безконечно трудовой жизнью онъ прежде всего показалъ, что „нѣтъ искусства безъ ремесла и гения безъ прилежанія“. „Бѣда въ томъ, — говорилъ онъ, — что наша молодежь, боясь академичности, пренебрегаетъ своимъ ремесломъ, а вѣдь это главное; надо знать ремесло, руко м е с л о, тогда съ пути не собьешься“.

Затѣмъ, Сѣровъ унаслѣдовалъ всѣ великія традиціи старыхъ мастеровъ и, въ частности, прошлое русской школы. Не порывалъ съ ними, какъ это дѣлаютъ „новаторы“. Одновременно, онъ воспринялъ и современный европеизмъ, взялъ нужное отъ него.

Наконецъ, все это онъ освѣтилъ исконной сущностью русскаго духа, поставивъ выше всего правду, рыцаремъ которой и былъ всю жизнь, неся свое служеніе съ достойнымъ правды самоотверженіемъ и простотой, которая такъ освящаетъ само служеніе...

Н. И. Мишеевъ

В. А. Сѣровъ — Тришкинъ кафтанъ

МОНАШКИ

Это было еще въ старое счастливое время. Среди дремучихъ лѣсовъ въ сѣверной части Черниговской губерніи стояла старинная усадьба. Дворецъ, построенный Растрелли для Императрицы Елизаветы Петровны, былъ окруженъ чуднымъ паркомъ. Широкия липовыя аллеи сходили къ извилистой рѣкѣ.

Паркъ соединялся съ береговой рощей, въ которой по ночамъ дивно пѣли соловьи.

Дворецъ былъ съ внѣшней стороны мрачный и непривѣтливый, но внутри очень уютный. Громадная круглая бѣлая зала съ двойнымъ свѣтомъ, вестибюль съ широкой дубовой лѣстницей, довольно темная гостиная, по стѣнамъ которой были развѣшаны портреты, и лабиринтъ коридоровъ, соединяющихъ остальные многочисленныя комнаты съ круглой залой, придавали дворцу своеобразный характеръ.

Императрица Елизавета имѣла это подарила брату своего фаворита, впоследствии мужа — графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому.

По наслѣдству имѣніе перешло потомъ къ правнуку графа Кирилла Григорьевича, графу Алексѣю Константиновичу Толстому.

Графъ Толстой много стихотвореній посвятилъ своему любимому имѣнію. Туда онъ спасался отъ шумнаго свѣта, тамъ только онъ находилъ покой, и только тамъ онъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ. Любимымъ его занятіемъ была охота. Онъ цѣлыми днями бродилъ съ ружьемъ по громаднымъ лѣсамъ, въ которыхъ водились медвѣди, лоси, волки, рыси. Иногда къ нему пріѣзжали его близкіе друзья и знакомые, и тогда устраивались большія охоты.

Во время такой охоты случилось происшествіе, о которомъ я собираюсь рассказать.

Приглашенныхъ на охоту было много. Алексѣй Константиновичъ былъ въ нервномъ настроеніи — не особенно любилъ онъ наѣзды петербургскихъ гостей, которые нарушали его тихую деревенскую жизнь, и мирился съ этимъ только желая сдѣлать удовольствіе своей женѣ, любившей шумный свѣтъ, гостей, балы, охоты.

Охота, или вѣрнѣе облава, была на волковъ и происходила вблизи большого мохового болота. Въ такихъ болотахъ волки обыкновенно устраиваютъ свои гнѣзда. Волковъ выгнали много. Выстрѣлы слышались по всей цѣпи охотниковъ. Къ концу облавы было убито 15 волковъ.

Гости, довольные удачей и проголодавшіеся, съѣли въ линейки и поѣхали съ хозяйкой домой, гдѣ ихъ ждалъ великолѣпный ужинъ. Послѣ ужина долженъ былъ быть балъ.

Алексѣй Константиновичъ не раздѣлялъ ихъ веселья; онъ былъ мраченъ и угрюмъ.

Не хотѣлось ему своимъ мрачнымъ настроеніемъ портить настроеніе другихъ, и онъ уговорилъ своего двоюроднаго брата Николая Михайловича Жемчужникова, который былъ его лучшимъ другомъ, остаться съ нимъ и пройтись по лѣсу.

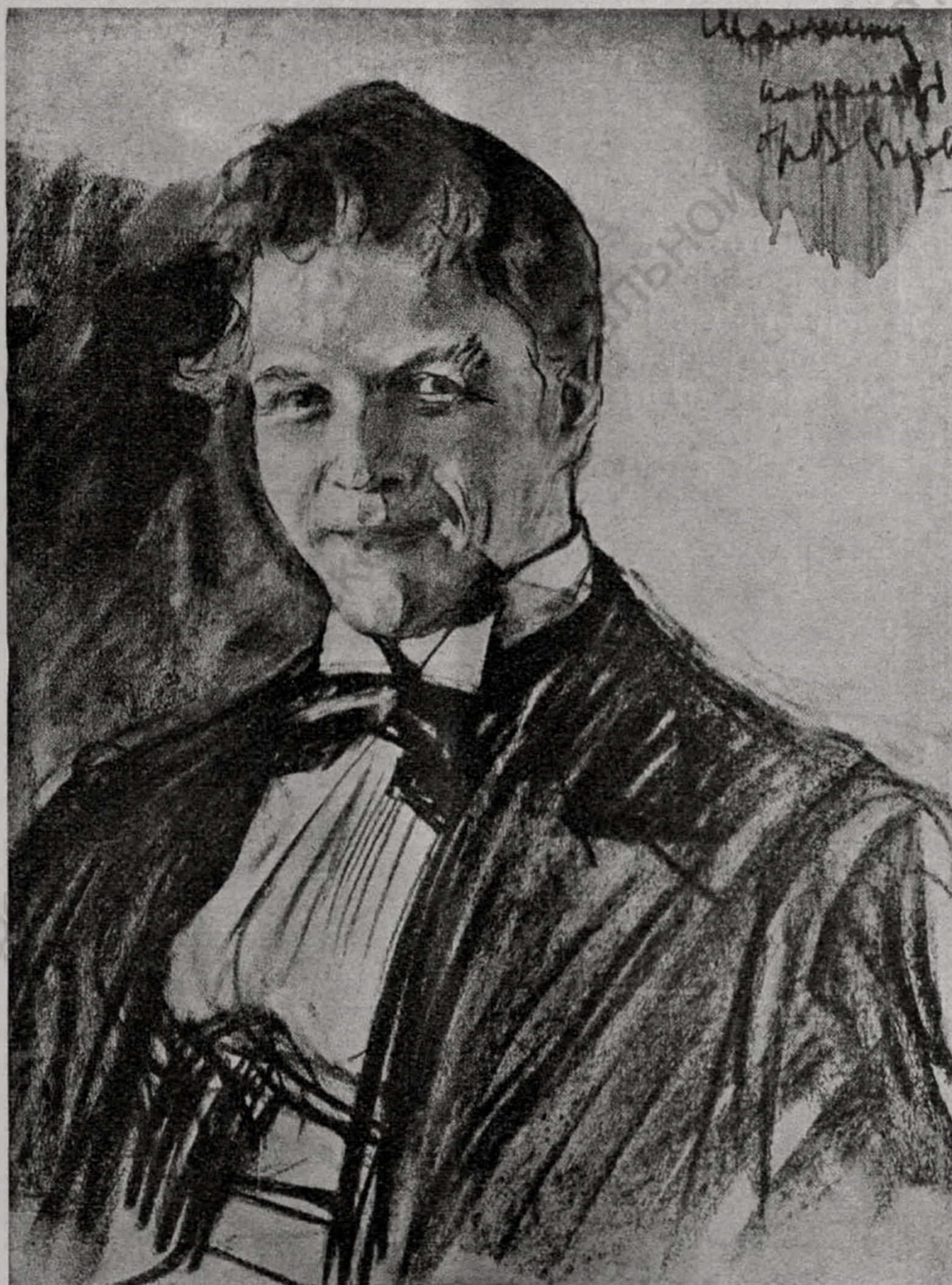
Пошли они по чуть замѣтной тропинкѣ и такъ разговорились, что не замѣтили, какъ зашли далеко въ моховое болото.

Идти можно было только очень осторожно по тропинкѣ, которая шла извиваясь по этому болоту. „Пойдемъ дальше“, предложилъ Алексѣй Константиновичъ: „я здѣсь не былъ ни-

когда, посмотримъ, куда ведетъ эта тропинка“.

Болото было очень вязкое, идти было трудно и, оступившись, легко было провалиться.

Они шли довольно долго и, наконецъ, очутились на маленькомъ островкѣ, заросшемъ

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

Ф. И. Шаляпинъ
F. Chaliapine

деревьями. Среди этого островка была построена землянка. Они вошли въ землянку и обомлѣли отъ удивленія. Передъ Распятіемъ на колѣняхъ стояла старая отшельница и молилась. Увидѣвъ незнакомцевъ, она вскрикнула отъ удивленія или страха и упала безъ памяти на полъ. Алексѣй Константиновичъ и его двоюродный братъ подняли старуху и рѣшили, что она настолько истощена и слаба, что оставить ее въ землянкѣ нельзя. Они бережно вынесли ее, донесли до линейки, которая ждала ихъ, и повезли въ усадьбу. Старуха по дорогѣ пришла въ себя,—но не сопротивлялась. Она сидѣла, опустивъ голову, не говоря ни слова, и на вопросы, кто она и давно ли живетъ въ землянкѣ, ничего не отвѣчала.

Приѣхали въ усадьбу; тихонько, чтобы не возбудить любопытства гостей, отшельницу отвели во флигель, въ которомъ всегда жилъ Алексѣй Константиновичъ, принесли ей ѣду и оставили ее одну.

Во дворцѣ тѣмъ временемъ начался балъ. Музыка гремѣла. Люстры со множествомъ свѣчей заливали своимъ свѣтомъ бѣлую залу, въ которой кружились подъ звуки мелодичнаго Штраусовскаго вальса элегантныя дамы въ открытыхъ платьяхъ, блистая бѣлизной плечъ, на которыхъ переливались ривьеры брилліантовъ или нитки жемчуга, и мужчины во фракахъ или мундирахъ блестящей петербургской гвардіи.

Подъ утро балъ кончился. Спать никому не

хотѣлось. Графиня Софья Андреевна Толстая подошла къ роялю и запѣла, сама себѣ аккомпанируя. Голосъ у нея былъ волшебный. Мягкое чудное контральто. Она была некрасива, но своимъ голосомъ могла обворожить.

Настроение создалось грустно-мечтательное. Всѣ притихли и уютно разсѣлись въ мягкихъ креслахъ гостиной.

Стало совсѣмъ свѣтло. Дверь на веранду была открыта, и въ нее вливался свѣжій лѣтній воздухъ.

Наступившую тишину прервалъ голосъ графа Алексѣя Константиновича: „Вы знаете, у меня во флигель старая отшельница“, и онъ разсказалъ происшествіе, случившееся наканунѣ.

„Теперь, вѣроятно, она поѣла, отдохнула, я пойду и попробую ее разспросить, кто она и давно ли живетъ въ землянкѣ“, прибавилъ онъ.

Каково было его удивленіе, когда онъ вошелъ къ отшельницѣ. Комната была пуста, ѣда осталась нетронутой, а отшельница исчезла.

Моментально Алексѣй Константиновичъ вѣлѣлъ осѣдлатъ лошадей и поѣхалъ къ землянкѣ. Войдя въ нее, онъ увидѣлъ старую отшельницу, которая лежала мертвая на полу передъ Распятіемъ. Такъ никогда и не выяснилось, кто была эта монахиня. Съ тѣхъ поръ болото, на которомъ стоитъ землянка, и лѣсъ вокругъ него крестьяне называютъ „Монашки“...

О. Жемчужникова

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

Иллюстрація къ Пушкину (Тройка)
Illustration to Pushkin's (Troika)

В. А. Серовъ
V. Seroff

Ф. Ф. Сумароковъ-Эльстонъ (1903)
F. Sumarokoff-Elston (1903)

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПРОГАЛИНЫ

Полувлюбленный стихъ, полудуховный бредъ,
О томъ, что сладко — здѣсь, чего быть можетъ — нѣтъ.

Недовершенный сонъ, невыявленный срокъ,
Неузнанная мысль, нетронутый цвѣтокъ.

Плѣнительная боль, лицо нѣжныхъ всѣхъ лицъ,
Надъ пламенемъ зрачковъ дрожащій мракъ рѣсницъ.

Чтобъ сбыться ждущая, вся — будущая быль,
Подъ Солнцемъ косвеннымъ въ кружени златопыль.

Весь верхъ листка — огонь, но мгла — исподъ листка,
Чу, пѣсня за рѣкой, но пѣсня далека.

Прогалины зари, неясный лепетъ струй,
На вкрадчивыхъ устахъ — лишь зримый поцѣлуй.

РОМАНСЪ

Мой садъ золотится въ многогроздьяхъ мимозныхъ,
Въ немъ чайная роза любить розу-рубинъ.
— Ахъ, сладко любить намъ, хоть въ томленіяхъ розныхъ,
Ахъ, горько любить мнѣ, если здѣсь я одинъ.

Мой садъ лиловѣетъ отъ Японской сирени,
И въ мысляхъ цвѣточный распускается стихъ.
— Ахъ, гдѣ ты, балконъ мой и родныя ступени,
Ахъ, гдѣ вы, сирени первоцвѣтовъ моихъ.

ГОЛУБАЯ ОТЧИЗНА

Только ты, мое Небо, сапфировъ рѣдчайшихъ синѣ,
Только ты, моя бездна, гдѣ вѣчно тону не тону,
Только ты, моя синяя Вѣчность, меня разумѣя,
Каждой ночью мой духъ провожаешь созвѣдьями къ сну.

Я избралъ себѣ уголь высокаго тихаго дома,
Предо мной зеленѣютъ двѣ мощныхъ столѣтнихъ сосны,
И земля, Океаномъ объятая, сладко знакома,
Но вѣрнѣе я дома, — вступая въ созвѣдные сны.

Всеобъемля, всемірность всесвѣтомъ своимъ усыпая,
Умѣряя пожаръ мой, бурунный, багряный прибой,
Только ты меня видишь, Отчизна моя голубая,
И всегда къ тебѣ въ сердцѣ свѣтильникъ горитъ голубой.

НЕПРИСТУПНЫЙ ХРАМЪ

Миръ опять въ кровавой древней сагѣ
Въ бѣгѣ такъ, чтобъ даль была близка.
— Я читаю Солнце въ каплѣ влаги,
Я смотрю въ молитвенникъ цвѣтка.

Миръ безплодныхъ взлетовъ, гремь набатовъ,
Пляска мертвыхъ, шабашъ до зари.
— Я въ великой всенощной закатовѣ.
Богъ, я здѣсь. Гори и говори.

К. Бальмонтъ

1927 г. 1 августа
Capbreton, Landes.
Little Cottage.

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

Г. Л. Гиршманъ (Деталь портрета)
G. Hirschmann (detail of a portrait)

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

О. О. и Р. Г. Грузенберги
O. and R. Grusenberg

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ

ПО ДОРОГѢ ВЪ ПРЕСВѢТЛЫЙ КРАЙ

Посвящаю Б. К. Зайцеву

На далекомъ Сѣверѣ, гдѣ лѣто было коротко, но обильно цвѣтами и травами, между высокихъ, покрытыхъ густыми лѣсами береговъ, протекала рѣка. Не широкая и не глубокая, но задумчивая и прозрачная, шла она широкими извилинами, точно кто-то Великій начерталъ ее на землѣ, какъ голубой узоръ по зеленому ковру луговъ и лѣсовъ.

Не было на берегахъ рѣки ни городовъ, ни деревень. Только кое-гдѣ надъ зеленой кручей повисла узкая колеистая дорога, ведшая куда-то къ дальнему монастырю.

Однажды рано утромъ на извилинахъ дороги показались два странника. Они были въ бѣлыхъ длинныхъ холщевыхъ рубахахъ съ нищенскими сумками черезъ плечо и съ самодѣльными бандурами черезъ другое.

Одинъ былъ тонкій, прямой и высокій, и длинная сѣдая борода его отъ легкаго вѣтерка струилась въ сторону. Его бандура въ тактъ шаговъ покачивалась у бедра и шептала что-то одинаково-похожее на грустное и на смѣшное.

Опираясь на суковатый, залоснившійся отъ долгаго пути костыль, старикъ умѣло и привычно впереди себя нащупывалъ дорогу.

Другой былъ юный съ цѣломудреннымъ бѣлокурымъ пушкомъ на подбородкѣ и съ желтыми, давно нестриженными волосами, свисавшими до плечъ. Этотъ шель безъ костыля, былъ невысокъ и гибокъ, точно дѣвушка, и его поступь была легкая, какъ будто онъ не шель, а плылъ, легко скользя по мягкой розовой землѣ дороги. Отъ лаптей ихъ не оставалось никакихъ слѣдовъ. Густая трава грядокъ прятала ихъ, какъ зеленая вода.

Головы ихъ были непокрыты, и на загорѣлыхъ, высвѣтленныхъ солнцемъ и вѣтромъ лицахъ играла та безмолвная улыбка, которая присуща только слѣпымъ, когда они безъ словъ бесѣдуютъ съ разлитой вокругъ благоухающей тишиной и перекинутыми изъ-за лѣса первыми лучами восхода.

Шли они не въ ногу, потому что молодой чуть-чуть отставалъ и по походкѣ старшаго

В. А. Сървъ — Баба съ лошадыю

V. Seroff — Peasant with Horse

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

Дѣвушка, освѣщенная солнцемъ
Girl in the Sunshine

дняхъ на этомъ камнѣ, позабылъ о спутникѣ и будто для себя сказалъ:

— Давно ли, кажись, было... Вотъ такъ же вотъ сидѣлъ я тутъ съ дѣвкой... Лазоревенькихъ на лужку тамъ много нарвала и въ косы свои заплела... А потомъ подшиблась и запѣла пѣсню такую печальную... Сирота была она. Безприданная...

Широко улыбнулся, но молчалъ, даже затаилъ дыханье молодой слѣпецъ. Только тонкая струна его бандуры чуть запѣла. Оводъ сѣлъ на нее невзначай... И старый оборвалъ рассказъ...

Только послѣ долгаго молчанія молодой отважился спросить:

— Ну и какъ же?.. Гдѣ-жъ теперь она?..

Молодой слѣпецъ спросилъ такъ, какъ будто дѣвушка сидѣла здѣсь вчера — такъ чиста была еще душа его. Старикъ же горько ухмыльнулся.

— Съ тѣхъ поръ прошло почти полусотни лѣтъ... — эпически-напѣвно отвѣчалъ онъ. — А прожилъ съ нею я, невѣнчанной, около года. Родители мои были славутные, богатые... Жениться не дозволили на безпризорной сиротѣ... Ребеночка, сыночка родила... Слыхалъ, куда-то въ люди отдала да и ушла свой грѣхъ замаливать въ обитель... Много лѣтъ ходилъ я по обителямъ, прости меня Господь, — хотѣлъ все повстрѣчать... Упасть бы въ ноги, вымолить

прошенья... Да не привелось найти... Жива ли гдѣ, али представилась — не знаю... Много исходилъ я по землѣ, много истопталъ травы зеленой... Бывало, вотъ сюда приду на камень, пѣсню ту ее печальную спою, заплачу... Вотъ только и выплакалъ у Бога милости — нашель Онъ меня наказаньемъ, свѣтъ мой отнял... Слава Господу Всевышнему!..

Старикъ глядѣлъ открытыми глазами въ голубое небо, улыбался, и въ слѣпой его улыбкѣ свѣтлыми росинками блестя старческія слезы.

Молодой послѣ молчанія опять спросилъ:

— Какую же пѣсню она пѣла?

Старикъ отвѣтилъ новымъ, тихимъ, но суровымъ голосомъ:

— Будя... Грѣшно это... Жива ли, аль скончалась — пускай со Господомъ душа ея покоится... — И, взявшись за свою бандуру, задержалъ дыханье, какъ будто колебался: не вспомнить ли, не пропѣть ли про давно-минувшее, не сложить ли новую былинку. Но подавилъ въ себѣ соблазнъ и попросилъ: — Давай споемъ молитву, Господа прославимъ!

И сложенный за много лѣтъ, сыгранный и спѣтый полился молитвенный стихъ.

Невидимо звучали голоса и струны среди кудрявыхъ березъ, на заросшемъ камнѣ, и слушали вершины стройныхъ елей - монашекъ

и тихо кивали острыми клубуками своихъ верхушекъ.

Кверху, немного въ сторону, держалъ лицо свое старый слѣпецъ, отчего его большая борода все время развѣвалась по лѣвому плечу. Низко наклонился однимъ ухомъ надъ струнами молодой, точно въ звукахъ ихъ хотѣлъ разслушать самое тайное, самое печальное и самое радостное, что не удалось и никогда не удастся узнать ему.

Съ дребезгомъ и басовито пѣли струны старика, и руки его, жилистыя, съ серебряною мелкой сѣдиной на пальцахъ, бѣгали по струнамъ широко и жадно...

Жалобно и съ подвываньемъ пѣла бандура молодого, и пальцы его, нѣжные, какъ у дѣвушки, ласково и робко плавали по струнамъ, точно колдовали, точно ткали нѣжные узоры пѣсеннаго лада.

Съ легкой хрипотою старческой молитвы, съ жалобою покаянья звучалъ старый басовитый голосъ:

А и много у Господа милости,

А и много у Господа жалости,

Да ко сиротамъ бѣднымъ въ Пресвѣтломъ Краю...

Съ нѣжной чистотою, съ удивленіемъ дѣтскаго невѣдѣнья лился юношескій, точно женскій голосъ молодого:

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

Н. С. Позняковъ
N. Pozniakoff

А и нѣту у Господа злой нищеты,
А и нѣту у Господа бѣды — слѣпоты.

И сливались голоса ихъ снова, какъ будто
пѣли лѣса и горы, и рѣки, и вѣтеръ вмѣстѣ:

А и всѣ то ли таотко равные,
А и всѣ то ли таотко радуются.

У стараго по волосатой щекѣ скользнула
слеза, но голубизна слѣпыхъ очей сверкала
радостью.

Лицо молодого стало свѣтло и прозрачно,
чуть порозовѣло отъ восторга и усердія.

Онъ даже позабылъ, что музыкой и пѣньемъ

Іюнь, 1927
въ Америкѣ на Помперагѣ

улаждаетъ свое сердце въ послѣдній разъ. Къ
вечеру они достигнуть вратъ стариннаго мо-
настыря. Тамъ юный слѣпецъ укроетъ свои
соломенные кудри темною монашескою шап-
кой. И какъ будто еще больше восторгаясь
передъ свѣтлой жертвою, голосъ молодого съ
особенной пѣвучей нѣжностью звучалъ:

А и всѣмъ то ли таотко любовь Господь
А и всѣмъ братъ-отецъ — Самъ Исусъ Христосъ...

Мирно, любовно кивали въ тактъ пѣнія
вѣтки молодыхъ березъ. Подъ шелестъ ихъ
ткала свою древнюю былъ зеленая лѣсная дремь.

Георгій Гребенщиковъ

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА

ЦАРЬ МИХАИЛЬ ТЕОДОРОВИЧЪ

Близъ ко дню Михаила Молеина,
Въ просторѣчій русскомъ — Молинника, —
Дню царевыхъ своихъ имянинъ
По тропѣ вдоль лѣсовъ, луговинъ,
Что цвѣтами, вѣтрами овѣяна,
Во обитель честнаго Пустынника, —
Ту, чью крѣпость и ляхъ не сломилъ —
Пѣшь идетъ юный царь Михаилъ.

На стопахъ — лапоточки берестяны,
Межъ державныхъ рукъ — палочка ивова,
А кафтанъ переливчатъ, шелковъ,
А рубашка бѣленѣйшихъ льновъ
И тончайшей работы невѣстиной.
Синь изъ взора течетъ незлобиваго
И, что воскъ, просвѣтлѣлъ онъ съ лица
Въ монастырскомъ житѣ до вѣнца.

Вслѣдъ, но ѣзжей дорогой, по рывинамъ
Проплываетъ, завѣсы содвинучи,
Колымага, какъ сказочный китъ,
И царица въ ней матушка спитъ,
Такъ ли никнетъ съ шептаньемъ молитвеннымъ,
Суровата, одѣта по-иночи.
Дальше — каждый на рыжемъ конѣ —
Слуги царскіе въ бѣломъ сукнѣ.

А кругомъ — съ соловьемъ и комарикомъ
И съ польнью своей и со ржищею,
Пряча скитъ и являя село,
Все его государство легло —
Съ тѣмъ - вонъ машущимъ лихо косарикомъ,
Съ той бредущею братіей нищею...
Край, что даве былъ въ смутѣ огнисть —
И воскресъ, ровно птица - Финистъ!

Какъ вздохнетъ царь отъ чувства особаго,
Какъ въ глуши пріотстанетъ березовой,
Средь малиновыхъ частыхъ кустовъ,
Гдѣ отъ ягоды духъ столь медовъ...
Глядь — а рядомъ боярышни Хлоповой
Лѣтникъ мягко-шумящій и розовый,
И лицо, что, какъ тотъ, розово
Отъ жары и отъ взора его!..

И межъ колкимъ да сладкимъ малинникомъ
Онъ, для Руси келейно-взлелѣянный,
Губы въ нѣжномъ пушку впервой
Сблизилъ съ дивней щекой заревой...
Дальше впрямь ужъ идетъ имянинникомъ!
И подъ вечеръ въ канунъ на Молеина
Зычно троичкій клететь звонарь:
— Вонъ, мошь, шествуетъ чайнный царь! —

Любовь Столица

В. А. Сѣровъ

Проводы

В. А. СЪРОВЪ
V. SEROFF

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II
PORTRAIT OF THE EMPEROR NICKOLAS II

В. А. Сѣровъ — „Лѣто“

V. Seroff — „Summer“

В. А. Сѣровъ — Ида Рубинштейнъ

V. Seroff — Ida Rubinstein

На перекресткѣ мы разстались. Я далъ ему немного денегъ, и онъ долго и изумленно смотрѣлъ на меня, на деньги и низко мнѣ поклонился.

Я началъ взбираться въ гору. Что за диво — въ долинѣ, гдѣ были луга, поле и эти маленькіе городки, разстилался сейчасъ безъ края густой тяжелый лѣсъ. Голубая рѣка разсѣкала его широкой и прихотливой трещиной. Я оглянулся — вдали виденъ былъ Парижъ, тупыя башни собора Богоматери возвышались надъ нимъ.

Я подошелъ къ заставѣ. Тучный старикъ въ колпакѣ и въ чулкахъ, натягивая на ходу камзолъ съ огромными блестящими пуговицами, вышелъ изъ будки и открылъ чугунныя ворота. Я вошелъ. У будки стояли три всадника въ темныхъ, украшенныхъ серебряными лиліями, шляпахъ съ изогнутыми и твердыми полями, съ пышными свивавшимися перьями, тяжело и медленно падавшими на ихъ плечи, въ бархатныхъ — фіолетовыхъ съ желтыми продольными языками — кафтанахъ, прикрытыхъ нагрудными, прихотливой рѣзьбы, щитами съ такими же, какъ и на шляпахъ, серебряными лиліями и въ тяжелыхъ высокихъ сапогахъ съ огромными, какъ чаши, раструбами. Носки сапогъ были тупы и страшны, а складки голенищъ такъ выпуклы и сильны, какъ складки упавшаго съ большой высоты и смявшагося желѣза. Остры, ярки и беспощадны были лучи звѣздъ, которыя несли ихъ длинныя изогнутыя шпоры.

— Что за маскарадъ! — подумалъ я, и хо-

тѣлъ идти мимо, но одинъ изъ всадниковъ движеніемъ руки остановилъ меня, тронулъ лошадь ко мнѣ и спросилъ пропускъ.

Я недоумѣнно пожалъ плечами и подаль ему документы. Онъ отхѣхалъ, и они вполголоса начали переговариваться о чемъ-то между собою. Потомъ одинъ изъ нихъ приблизился ко мнѣ, протянулъ мнѣ бумаги и сказалъ:

— „Именемъ его милостиваго величества Якова второго Стюарта, короля Великой Британіи и единовѣрца и гостя благочестивѣйшаго короля Франціи, ты свободенъ“...

Я вышелъ въ городъ, хотѣлъ пройти въ замокъ, какъ часто дѣлалъ раньше, но у входа высокій латникъ преградилъ мнѣ путь. Я хотѣлъ обойти его, но онъ угрожающе наклонилъ копье.

Въ этотъ день я много ходилъ по улицамъ городка, каждый домъ котораго я могъ бы найти съ закрытыми глазами. Уставшій и проголодавшійся, я зашелъ въ таверну. Мнѣ подали вяленаго мяса, сыру и вина и спросили смѣхотворно мало, — я не зналъ такихъ цѣнъ.

Я вышелъ къ парку, къ террасѣ. Валы зелени катились къ горизонту, ясенъ и чистъ былъ небосклонъ, зеркаленъ воздухъ и чарующе безмолвіе. И вновь отдался я радости солнца и чистой прохладѣ воздуха.

Я прошелъ вправо, къ полукруглому выступу. На площадкѣ стоялъ человекъ. Онъ былъ одѣтъ въ камзолъ съ кружевными легкими и пышными манжетами, шитый золотомъ.

Ослѣпительно сверкала камнями его тонкая шпага. Изъ-подъ шляпы, убранной чернымъ страусовымъ перомъ, на плечи волнами ложились завитые волосы парика.

Руки его крѣпко впились въ камень перилъ, глаза смотрѣли зорко, онъ весь окаменѣлъ, подавшись впередъ.

По дорогѣ за нами шли люди. Нѣкоторые почтительно кланялись, на лицахъ иныхъ видѣлъ я усмѣшку, пренебреженіе. Прошла монахиня въ бѣломъ, туго накрахмаленномъ чепцѣ. Ея юная головка была такъ нѣжна, такъ ангельски красива, что мнѣ показалось — вотъ-вотъ она отдѣлится отъ ея тѣла, одѣтаго въ грубое тяжелое сукно, и улетитъ на широкихъ крыльяхъ чепца. Монахиня молитвенно перебирала четки и, поровнявшись, отвѣсила глубокой поклонъ стоявшему.

Я посмотрѣлъ въ ту сторону, куда глядѣлъ челоуѣкъ. Тамъ, на горизонтѣ, разстился темный, въ багровыхъ отсвѣтахъ, дымъ. Чело-

уѣкъ стоялъ долго, глядѣлъ не отрываясь, впиваясь взглядомъ въ понятную ему даль. Потомъ онъ тихо снялъ шляпу, вытянулъ руки впередъ и, опустивъ голову на руки, застылъ.

Я оглянулся. За мной стояла толпа, тихо переговариваясь. Горбунъ въ красномъ колпакѣ, съ широкимъ разсѣченнымъ воротникомъ, словно расцвѣтшій подсолнечникъ, бросившимъ по плечамъ длинные желтые остроугольные лоскутья, съ лицомъ чудовищно-уродливымъ, ходилъ на кривыхъ ногахъ, кривилъ сухія губы и горестно покачивалъ большой головой.

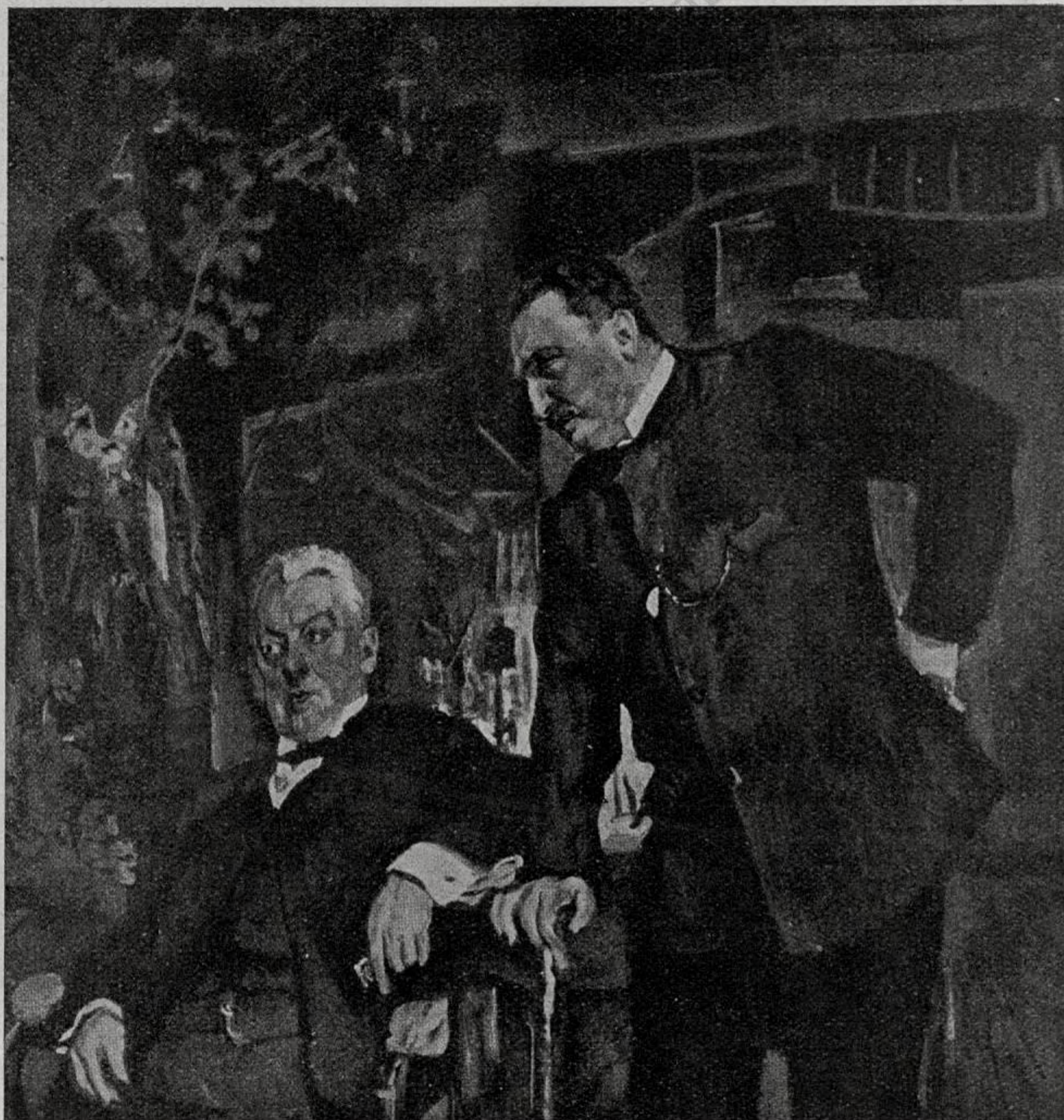
Я опять посмотрѣлъ на челоуѣка. Онъ стоялъ неподвижно.

Въ толпѣ говоръ усиливался, о чемъ-то спорили. Внезапно за моей спиной раздался грубый, рѣзкій, упрямый смѣхъ, но его сейчасъ же перебилъ умоляющій и мягкій женскій голосъ:

— Замолчи, опомнись, ты потерялъ совѣсть. Развѣ король не можетъ молиться за Родину?..

Николай Рощинъ

Іюнь, 1927
St. Germain-en-Laye

В. А. Сѣровъ
V. Seroff

А. П. Ленскій и А. И. Южинъ
A. Lenski and A. Juĭin

В. А. Сѣровъ — Петръ Великій

V. Seroff — Peter I

В. А. СЪРОВЪ
V. SEROFF

ПОРТРЕТЪ К. А. КОРОВИНА
PORTRAIT OF K. KOROVIN

В. А. Сървъ — Купанье

V. Seroff — Bathing

АЛЕКСАНДРЪ ЛИ

ЛЮДОВИКЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ПОСЛѢДНІЙ

Въ его глазахъ — минувшій дымъ Бастиліи
И безобразный призракъ эшафота,
А въ сердцѣ — трепеть королевскихъ лилій,
Гастоптанныхъ ногою санкюлота.

Нахмурены сѣдвѣющія брови,
Искривлень ротъ отъ горечи отравы:
Послѣдній Восемнадцатый Людовикъ
Изъ милости живетъ вблизи Митавы.

Но не одинъ въ глухомъ изгнаньи сиръ онъ —
Потомокъ крестоносцевъ въ тяжелыхъ броняхъ...
Въ угрюмомъ замкѣ бродитъ герцогъ Биронъ,
Вознесшійся и снова павшій конюхъ.

Какъ молоты стучать въ остывшемъ сердцѣ
Часы — воспоминанье о Версалѣ...
А рядомъ бродитъ призракъ—мертвый герцогъ,
Въ нависшемъ, какъ проклятье крови, залѣ.

Въ поляхъ хлѣба, и васильки, и клеверъ —
Созвучіе мечтательныхъ идиллій.
Но... развѣ знаетъ полудикій Сѣверъ
Тоску и нѣжность королевскихъ лилій?

И вырастаютъ страхи-исполины,
А губы шепчутъ позднее признанье,
Что лучше краткій ужасъ гильотины,
Чѣмъ много лѣтъ безславнаго изгнанья.

Какъ мракъ ночной подъ балдахиномъ дологъ,
И кажется, что грудь уже не дышитъ...
Какъ странно думать, что тяжелый пологъ
Поверженными лиліями вышить.

И въ исхудавшихъ пальцахъ до разсвѣта
Дрожатъ печально золотыя кисти...
Но никогда не воскрешаютъ лѣта
Осенніе топазовые листья.

А утромъ... снова сдвинутыя брови,
Въ ухахъ еще шаги ночные гулки...
Послѣдній Восемнадцатый Людовикъ
Томится на безрадостной прогулкѣ.

Александръ Ли

Н. СИЪСАРЕВА-КОЗАКОВА

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ЧЕШСКИХЪ И
РУСИНСКИХЪ МОТИВОВЪ

Сквозь туманы лѣтъ
Огонькомъ горять —
Бѣлыхъ яблонь цвѣтъ,
Первыхъ пѣсень ладь!

Память — страшный даръ —
Болью сердце рветъ —
Первой встрѣчи жаръ,
Первой ласки медь!

И, какъ дней итогъ,
Надрываетъ грудь
Снѣговыхъ дорогъ
Голубая жуть!

Счастье радостью свѣтлѣется!
Боль отъ свѣта прячется!
У тебя душа надѣется!
У меня все плачется!

Жизнь твоя — прямая линія,
У меня — узорная!
У тебя — денница синяя,
У меня — ночь черная!

Жизнь моя — во тьмѣ мятелица,
— Залегла туманами;
У тебя — дорогой стелется,
Плещеть океанами!

Наши рѣчи — безотвѣтныя,
И пути — обратныя!
У тебя — огни разсвѣтныя,
У меня — закатныя!

Н. Сиѣсарева-Козакова

ШЕРЕКЪРОМЪ

В. А. СЪРОВЪ
V. SEROFF

ПОРТРЕТЪ В. С. МАМОНТОВОЙ.
PORTRAIT of V. S. MAMONTOFF.

„ПЕРЕЗВОНЫ“ „PEREZVONY“

№ 36 (9) — 1927 г. Сентябрь

Рига, Редакция и контора L. Kalēju ielā 43
Телефонъ 22176 и 23423

Цѣна номера 1 латъ (50 руб.)
Заграницей 25 амер. цент.

Содержаніе № 36:

Александръ Амфитеатровъ — За краемъ земли
К. Д. Бальмонтъ — Прогалины
Г. Д. Гребенщиковъ — По дорогѣ въ пресвѣтлый край
О. Жемчужникова — Монашки
Галина Кузнецова — „Когда для дня уже готово ложе“
Александръ Ли — Людовикъ XVIII послѣдній
Вл. Ладыженскій — Ив. Бунинъ. Солнечный ударъ
Н. И. Мишеевъ — Валентинъ Александровичъ Сѣровъ
Николай Роцинъ — Изгнанникъ
Н. Свисарева-Козакова — Изъ народныхъ чешскихъ
и русинскихъ мотивовъ
Любовь Столица — Царь Михаилъ Феодоровичъ

Въ иллюстраціяхъ:

Четыре цвѣтныя репродукціи портретовъ
В. Сѣрова:

- 1) Императора Николая II Александровича
- 2) К. Коровина
- 3) М. Я. Львовой
- 4) В. С. Мамонтовой

Представительства журнала „Перезвоны“

Эстонія — Г. Паю. Ревель, Narju tänar 39. Бѣлокуровъ. Дерптъ — Lossi täp № 1.

Литва — „Sprauda“. Ковно, Laisves Aleja 76.

Финляндія — Mr. V. Voutilainen, Red. „Novija Russk. Vesti“, Nikolaigoton, No. 19, lok. 2.

Германія — Гиршфельдъ. Берлинъ, Passauer Str. 5.

Чехословакія — Кн. Маг. „Пламя“. Прага 11, Ječna 32.

А. А. Воеводинъ. Прага-Винограды, Nerudova 32.

Австрія — А. Мухинъ. Вѣна I, Petersplatz 9.

Югославія — И. И. Карпенко. Бѣлградъ, Притшинска 52.

Инж. А. Арія (для Хорватии и Словеніи) — Загребъ, Vlaška ul. 24.

Продажа также въ книжныхъ магазинахъ:

„Славянская взаимность“. Бѣлградъ, Битольска, 30. — „Возрожденіе“. Бѣлградъ, ул. Милоша, 11. — М. А. Суворинъ. Бѣлградъ, ул. Кр. Наталии 21.

Болгарія — Н. Алексѣевъ. Софія, В. Тырново 17.

Продажа также въ магаз.: А. Курындинъ. — Софія, ул. Царя Освободителя 6.

Турція — Г. Пахаловъ, „Культура“. Константинополь, 385, Grand rue de Péra.

Польша — Изд. „Добро“. Варшава, ul. Krakowskie Przedmie ście Nr. 53.

Румынія — Кн. Маг. „Книга“. Кишиневъ, str. Alexandru cel Bun. 71.

Египетъ — Е. Лауренбергъ. Александрія, 24, Boulevard de Ramleh.

Китай — И. А. Глѣбовъ. Харбинъ, New-Town, p. b. 6.

К. Аверстъ. Тендзинъ, 20 Council Road. Talati Building.

„Русское Дѣло“. Шанхай, 359, Avenue Joffre.

Соед. Штаты Сѣв. Америки — Central Book Trading Company (А. В. Яременко), 239 East 10 th street. New-York City.

Калифорнія — N. E. W. S. & Company. „Новинка“, 1793, Geary street. San Francisco.

Англія — „Родное Слово“. London W. S. 222. Shaftesbury Avenue.

Франція — Отдѣленіе Издательства — Парижъ (XVI) 20, rue Raynouard, 20.

Продажа въ магазинахъ:

Арбузовъ, 32, rue d'Anjou.

„Родникъ“, 106, rue de la Tour.

„Возрожденіе“, 2, rue de Seze,

И. Поволоцкій, 13, rue Bonaparte.

„Москва“, 9, rue Dupuytren.

„Маякъ“, 22, avenue des Ternes.

Е. Сіяльской, 2, rue Pierre-le-Grand.

„Офеня“ Билланкуръ.

въ Ниццѣ — 64 rue de France, магаз. Bibliotheque Russe.

ПЕРЪ РОМЪ

